

УДК 347.6:341

DOI 10.63874/2218-0281-2026-1-141-147

**Дмитрий Григорьевич Василевич**

канд. юрид. наук,

доц. Университета Национальной академии наук Беларуси

**Dmitry Vasilevich**

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of University of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: Dmitry8157@gmail.com

## СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ

*Анализируются теоретико-прикладные, национальные и международные подходы к правовому регулированию отношений по поводу суррогатного материнства. Право воспользоваться услугами суррогатной матери должно рассматриваться как способ реализации репродуктивных прав. В некоторых случаях возможно ограничение этого права. Важным аргументом в защиту суррогатного материнства является природное желание человека продолжать свой род. Суррогатное материнство в нашей республике и за рубежом становится обыденным средством одного из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий, который позволяет преодолеть бесплодие и стать родителями лицам, которые не имели такой возможности в силу физиологических причин. Анализируется социально-культурный контекст взглядов и практической реализации права на суррогатное материнство.*

**Ключевые слова:** суррогатное материнство, генетические родители, религия и суррогатное материнство, коммодификация суррогатного материнства.

### *Surrogacy in the National and International Dimension*

*The article analyzes theoretical and applied, national and international approaches to the legal regulation of surrogacy. The right to use a surrogate mother should be considered as a way to exercise reproductive rights. In some cases, this right may be restricted. An important argument in favor of surrogacy is the natural desire of humans to continue their lineage. Surrogate motherhood in our country and abroad is becoming a common means of one of the modern types of assisted reproductive technologies, which allows people who have not been able to become parents due to physiological reasons to overcome infertility and become parents. The article analyzes the socio-cultural context of views and the practical implementation of the right to surrogate motherhood.*

**Key words:** surrogacy, genetic parents, religion and surrogacy, commodification of surrogacy.

### **Введение**

Одним из важнейших конституционных прав человека является право иметь детей. Речь идет не только о частном (личном) интересе (праве на деторождение), но и государственном интересе, поскольку современные государства с учетом перспектив своего развития принимают комплекс мер, направленных на обеспечение своей демографической безопасности. Даже в формальном аспекте можно отметить, что наличие народа – это неотъемлемый признак государства. Государство с большей численностью населения, особенно если в его структуре преобладают дети и молодежь, имеет большие перспективы для развития.

Законодательство о суррогатном материнстве направлено на обеспечение возможности семьям иметь детей. Законодатель Республики Беларусь исходит из признания прогрессивности современной тенденции к

развитию брачно-семейных отношений, в т. ч. когда люди нуждаются в помощи суррогатного материнства. Такое правовое регулирование института суррогатного материнства отличается от установленного в Российской Федерации и других постсоветских республиках. В частности, в белорусском законодательстве в отличие от российского предусмотрена презумпция материнства и отцовства генетических родителей. Кроме того, реализация права на материнство не увязывается с реализацией права на отцовство, поскольку воспользоваться услугами суррогатного материнства вправе как незамужние женщины, так и женщины, состоящие в браке; главное условие при этом – медицинские показания.

К сожалению, семейные пары, лица, состоящие в брачных отношениях, не всегда могут по медицинским показаниям иметь детей. На наш взгляд, право воспользоваться

услугами суррогатной матери должно рассматриваться как способ реализации репродуктивных прав. Иное дело, что в некоторых случаях возможно ограничение этого права. Важным аргументом в защиту суррогатного материнства является природное желание человека продолжать свой род.

### Основная часть

Суррогатное материнство в нашей республике и за рубежом становится, можно сказать, обыденным средством одного из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий, который позволяет преодолеть бесплодие и стать родителями лицам, которые не имели такой возможности в силу физиологических причин [1, р. 24–29]. За рубежом вначале возникло традиционное, или частичное, суррогатное материнство, когда суррогатная мать вынашивала и затем передавала ребенка бесплодной паре. При этом ребенок был зачат с использованием генетического материала одного из его потенциальных родителей и донора – мужчины или женщины.

Справедливо отмечается, что такому методу преодоления бесплодия, как суррогатное материнство, присущи непростые и дискуссионные этические, психологические и социальные аспекты, которые необходимо учитывать при нормативном правовом регулировании [2]. Полезно было бы в Республике Беларусь провести исследование, как это делается за рубежом [3, р. 2196–2204], относительно выявления причин согласия женщин стать суррогатной матерью, как развивались отношения с «заказчиками», какие она испытывала трудности эмоционального характера после передачи ребенка генетическим родителям, нуждалась ли она в психологической помощи, что, на ее взгляд, необходимо изменить в законодательстве.

Специалисты-медики обращают внимание на психологические проблемы, возникающие у суррогатной матери при рождении ребенка, в связи с чем считают необходимым наличие у такой женщины хотя бы двух своих детей [4, с. 64–67]. Представляется, что данную позицию следует учитывать.

Исследователи, придерживающиеся мусульманской религии, выделяют три основных варианта:

а) матерью новорожденного является суррогатная мать;

б) биологическая мать;

в) обе они.

Поддерживаем вывод, что родство матери с новорожденным зависит от того, чьей яйцеклеткой создан плод [5, р. 337–348].

Нестандартно выглядит законодательство Великобритании. Там не только допускается использование суррогатного материнства однополыми парами (что, на наш взгляд, недопустимо в условиях Беларуси), но и необходимо в период от 6 недель до 6 месяцев после рождения ребенка подать заявление о выдаче родительского ордера [6, р. 358–362].

Законодательство о суррогатном материнстве направлено на обеспечение семьям возможности иметь детей. Законодатель Республики Беларусь исходит из признания прогрессивности современной тенденции к развитию брачно-семейных отношений, в т. ч. когда люди нуждаются в помощи суррогатного материнства. Такое правовое регулирование института суррогатного материнства сближается с установленным порядком в Российской Федерации и других постсоветских республиках, входящих в Содружество Независимых Государств.

Отмечается влияние системы социальных убеждений, включая культуру, религию, на отношение к суррогатному материнству; например, подчеркивается особая важность для мусульман сохранения исламской идентичности [7, р. 3230–3251; 8]. Конечно, большинство граждан ориентируется на традиционное рождение детей.

М. Е. Хмарская считает, что в договоре суррогатного материнства должны быть закреплены следующие положения: «компенсация расходов на медицинское обслуживание; компенсация потерь в заработке; место проживания суррогатной матери в период беременности; медицинское учреждение, где будет происходить искусственное оплодотворение; последствия рождения неполноценного ребенка; обязанность суррогатной матери соблюдать все предписания врача, направленные на рождение здорового ребенка; обязанность суррогатной матери передать ребенка после рождения генетическим родителям; обязанность генетических родителей принять ребенка; санкции за невыполнение условий договора» [9]. По ее мнению, гарантией надлежащего исполнения взятых обязательств могут быть

штраф и полная компенсация недобросовестной стороной понесенных по ее вине расходов, возмещение морального вреда; материальное возмещение должно быть существенным. Если «заказчики» откажутся от ребенка, то на них должны возлагаться расходы, связанные с его содержанием. Она рассматривает также вариант, когда суррогатная мать является анонимной (что выглядит необычно). В таком случае заключается договор между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будут проводиться искусственное оплодотворение и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности, а также договор между этим медицинским учреждением и супругами-заказчиками [9]. Однако обоснованность такого варианта сомнительна.

Г. В. Богданова полагает, что «к рассматриваемым отношениям неприменимы нормы гражданского права по причине особого личного характера отношений между супругами-заказчиками и суррогатной матерью; это особое по своему содержанию обязательство, которое принимает на себя суррогатная мать в плане вынашивания, рождения и передачи ребенка супругам; специфика прав и обязанностей сторон в дальнейшем, когда суррогатная мать пожелает стать мамой и откажется передать ребенка заказчикам, оставив его себе, а супруги-заказчики не вправе воздействовать на нее или тем более привлечь ее к ответственности за неисполнение обязательства и др.» [10]. Необходимо учитывать также наличие возникающих конституционно-правовых отношений.

Условия договора могут быть грубо нарушены суррогатной матерью во время ее беременности, что может нанести вред здоровью вынашиваемого ребенка либо повлечь дополнительные расходы.

Т. Е. Борисова считает, что суррогатная мать обязана незамедлительно сообщать супругам-заказчикам о возникновении у нее дополнительных расходов с ее стороны, угрозах нормальному протеканию беременности, здоровью будущего ребенка. Если этого не сделано, то тогда она не имеет права на требования к супругам-заказчикам о возмещении понесенных ею в связи с этим расходов [11]. Полагаем, что решение данного вопроса зависит от конкретной ситуации и причин, по которым не были вовремя поставлены в известность супруги-заказчики.

Представляется обоснованным закрепление возможности не только женщин, но и мужчин воспользоваться суррогатным материнством. О запрете использования суррогатного материнства в коммерческих целях указывается в Брюссельской декларации 1985 г. Всемирной медицинской ассоциации. Комитет Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения принял ряд рекомендаций относительно суррогатного материнства. Признано, что при определенных обстоятельствах использование медицинских технологий для суррогатного материнства может быть допущено на уровне национального законодательства. Однако суррогатная мать не должна получать никакой материальной выгоды.

Несколько в ином плане, но также весьма интересно и важно для практики выглядит постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой. Суд признал допустимым взыскание компенсации за страдания по причине утраты возможности иметь семейные связи по причине гибели отца.

Суды РФ рассматривали жалобы заявительницы, поданные в интересах своего ребенка, который лишился возможности общения с отцом. Суд первой инстанции удовлетворил жалобы, а апелляционной инстанцией решение суда было отменено. В иске было отказано. Конституционный Суд, отметив, что правоспособность возникает в момент рождения, однако Конституционный Суд указал, что факт причинения страданий должен предполагаться [12]. Такую позицию Конституционного Суда подверг критике Э. М. Эрделевский, считающий, что причинить страдания можно только когда уже имеются права; кроме того, он подчеркнул, что такой подход может быть распространен на случаи гибели иных родственников [13, с. 8–9]. Однако с его позицией нельзя согласиться по причине нарушения права ребенка на общение с отцом, отцовскую заботу.

Полагаем, что законодательство и правоприменительная практика в Беларуси должны развиваться в этом направлении. Однако возникает проблема с возвратом

уплаченных алиментов на содержание ребенка. Указанная позиция ЕСПЧ может быть увязана также с правом взрослого ребенка выяснять, кто был суррогатной матерью.

Звучит критика и в связи с коммерциализацией биологических функций человека [14, р. 1345–1373]. Однако, на наш взгляд, компенсация физических и душевных затрат суррогатной матери должна быть адекватной. Обращается внимание на существующие диспропорции в доходах населения на европейском, азиатском и африканском континентах, США, что актуализирует вопрос о справедливости при осуществлении транснационального суррогатного материнства [15, р. 75–93]. Касаясь, например, факта превращения Индии в один из центров суррогатного туризма, в литературе справедливо подчеркивается необходимость обеспечения справедливого возмещения физических и моральных затрат женщинам, оказывающих такие услуги [16, р. 329–343].

В публичном пространстве часто рекомендуется взамен рождения детей посредством использования суррогатного материнства родителям, прибегающим к его помощи, брать на воспитание детей, оказавшихся сиротами. При несомненном преимуществе такого подхода нет веских оснований и для того, чтобы лишать возможности родить ребенка, используя соответствующие медицинские технологии, и заключить указанный выше договор. Кроме того, в последнем случае более надежно исследуется генетика будущего ребенка. Опыт усыновления (удочерения) гражданами западных стран показывает, что часто они берут на воспитание детей с особенностями психофизического развития и благодаря заботе, достижениям медицины в дальнейшем дети добиваются таких же успехов, как и полностью здоровые дети. Обратим внимание также на то, что генетика может использоваться вопреки интересам человека. В частности, указывалось, что ее достижения в США использовались для трудовой сегрегации [17, с. 19–33].

В литературе предлагается выделить договор суррогатного материнства в самостоятельный тип договора об оказании услуг. Одни авторы указывают, что в таких условиях женщина выступает в качестве своего рода инкубатора; предметом такого договора является процесс вынашивания и

рождения ребенка, а не сам ребенок; суррогатная мать в данном случае оказывает услугу [18].

Другие авторы считают, что договор суррогатного материнства является смешанным договором, сочетающим в себе элементы поименованных в объективном праве и элементы непоименованных договоров (т. е. в договоре содержатся условия о купле-продаже, оказании услуг и др.) [19].

В научной литературе высказано мнение, что в целях предотвращения кровосмешения в семейном законодательстве необходимо указать на недопустимость привлечения в качестве доноров близких родственников как жены, так и мужа в зависимости от ситуации [20, с. 17]. Полагаем, что данный вопрос оптимально решен в ст. 9 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: донор по отношению к пациенту может быть анонимным и не анонимным. Не анонимным донором может быть только родственник пациента (в отношении пациентки – ее родственник женского пола, в отношении пациента – его родственник мужского пола).

В то же время ЕСПЧ подтвердил право на судебное оспаривание юридической презумпции отцовства [21]. Наряду с правом ребенка, зачатого в результате ЭКО или рожденного от суррогатной матери, знать своего родителя, обратим внимание на рассмотренное ЕСПЧ дело, в котором заявителем ставился вопрос о праве общаться с ребенком, рожденным вне брачных отношений: мужчина имел отношения с замужней женщиной, в результате которых она родила от него ребенка. Эта женщина и ее юридический муж, хотя и допускали его биологическое отцовство, возражали против юридического удостоверения его отцовства и допуска его к общению с ребенком. Суды Германии отказали заявителю в признании его права доступа к ребенку, посчитав, что его нельзя рассматривать в качестве лица, имеющего с ребенком социальные и семейные связи. ЕСПЧ, рассматривая заявление предполагаемого биологического отца, обратил внимание на необходимость исходить в своих оценках из наилучших интересов ребенка. Он отметил, что семейная связь с ребенком не была сформирована по причине нежелания состоящей в юридическом браке супружеской пары. Была дана оценка тому

факту, что биологический отец сопровождал женщину на медицинское обследование в период беременности, признавал свое отцовство. При решении данного вопроса ЕСПЧ указал на необходимость уравнивания интересов всех участников, обращая внимание на обеспечения наилучшего интереса ребенка. Поэтому было признано, что национальные суды не отразили в своих решениях обстоятельства, оправдывающие вмешательство в права данного лица. ЕСПЧ признал, что требования ст. 8 Конвенции были нарушены [22]. Полагаем, что такая позиция ЕСПЧ отвечает интересам ребенка, что не исключает его право по достижении совершеннолетия получить информацию о своем биологическом отце.

### Заключение

Легализация суррогатного материнства отвечает современным прогрессивным тенденциям развития законодательства. Однако суррогатное материнство не может в полной мере решить демографическую проблему. Следует заботиться о здоровье молодого поколения, вступающего во взрослую жизнь, чтобы молодые люди могли иметь детей. Важной задачей является повышение уровня просветительской работы с будущими супругами перед заключением брака, в т. ч. о совместимости молодых людей, их возможности иметь детей.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Pesce, C. Donor Egg, Surrogacy, and Adoption for Breast Cancer Survivors / C. Pesce // *Current Breast Cancer Rep.* – 2023. – Vol. 15, nr 1. – P. 24–29.
2. Development and validation of the attitude towards Surrogacy Scale in a polish sample / K. Lutkiewicz [et al.] // *BMC Pregnancy a. Childbirth.* – 2023. – Vol. 23, nr 1. – URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-023-05751-x> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Surrogacy: the experiences of surrogate mothers / V. Jadvá [et al.] // *Human Reproduction.* – 2003. – Vol. 18, nr 10. – P. 2196–2204.
4. Айвар, Л. К. Проблемы, возникающие при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / Л. К. Айвар // *Современное право.* – 2006. – № 9. – С. 64–67.
5. Tavakkoli, S. N. The status of ‘mother’ in gestational surrogacy: the Shi‘i jurisprudential perspective / S. N. Tavakkoli // *Asian Bioethics Rev.* – 2022. – Vol. 14, nr 4. – P. 337–348.
6. Olaye-Felix, B. Surrogacy and the law in the UK / B. Olaye-Felix, D. E. Allen, N. H. Metcalfe // *Postgraduate Med. J.* – 2023. – Vol. 99, nr 1170. – P. 358–362.
7. Attitudes of different religions toward surrogacy: analysis of 11 countries’ situation using machine learning approach and artificial neural networks / M. Yildiz [et al.] // *J. of Religion a. Health.* – 2023. – Vol. 62, nr 5. – P. 3230–3251.
8. Struggles for reproductive justice in the era of anti-genderism and religious fundamentalism / ed.: R. Selberg, M. Kolankiewicz, D. Mulinari. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – 263 p.
9. Хмарская, М. Е. Правовое регулирование суррогатного материнства / М. Е. Хмарская // *Актуальные проблемы частного права : всерос. науч. интернет-конф., 4–29 марта 2013 г.* – URL: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 04.01.2026).
10. Богданова, Н. А. Категория статуса в конституционном праве / Н. А. Богданова // *Вестник МГУ. Серия Право.* – 1998. – № 3. – С. 3–20.
11. Борисова, Т. Е. Ответственность по договору суррогатного материнства / Т. Е. Борисова // *Законность.* – 2010. – № 11. – С. 47–50.
12. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс».* – М., 2026.
13. Эрделевский, А. М. О компенсации за причинение страданий / А. М. Эрделевский // *Хозяйство и право.* – 2024. – № 2. – С. 3–16.

14. Shapiro, J. For a feminist considering surrogacy, is compensation really the key question? / J. Shapiro // *Washington Law Rev.* – 2014. – Vol. 89. – P. 1345–1373.
15. Fayemi, A. K. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective / A. K. Fayemi, A. E. Chimakonam // *Theoretical Medicine a. Bioethics.* – 2022. – Vol. 43, nr 2-3. – P. 75–93.
16. Panitch, V. Global surrogacy: exploitation to empowerment / V. Panitch // *J. of Global Ethics.* – 2013. – Vol. 9, nr 3. – P. 329–343.
17. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 256 с.
18. Самарин, В. И. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь : по состоянию на 14.03.2011 г. / В. И. Самарин, А. А. Пухов // *КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Мн., 2026.
19. Рузиев, Р. Вопросы классификации смешанного договора / Р. Рузиев // *Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Узбекистан.* – 2015. – № 4. – URL: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (дата обращения: 16.01.2026).
20. Богданова, Г. В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между родителями и детьми : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 12.00.03 / Богданова Галина Васильевна ; Саратов. экон. акад. – Саратов, 2009. – 34 с.
21. Мицци (Mizzi) против Мальты (жалоба № 26111/02) : Информация о постановлении Европейского Суда по правам человека от 12.01.2006 // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».* – М., 2026 (дата обращения: 11.01.2026).
22. Шнейдер (SCHNEIDER) против Германии (Жалоба № 17080/07) : постановление ЕСПЧ от 15.09.2011 // *КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».* – М., 2026 (дата обращения: 11.01.2026).

#### REFERENCES

1. Pesce, C. Donor Egg, Surrogacy, and Adoption for Breast Cancer Survivors / C. Pesce // *Current Breast Cancer Rep.* – 2023. – Vol. 15, nr 1. – P. 24–29.
2. Development and validation of the attitude towards Surrogacy Scale in a polish sample / K. Lutkiewicz [et al.] // *BMC Pregnancy a. Childbirth.* – 2023. – Vol. 23, nr 1. – URL: <https://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12884-023-05751-x> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
3. Surrogacy: the experiences of surrogate mothers / V. Jadv [et al.] // *Human Reproduction.* – 2003. – Vol. 18, nr 10. – P. 2196–2204.
4. Aivar, L. K. Problemy, vznikayushchie pri ispol'zovanii vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii / L. K. Aivar // *Sovremennoe pravo.* – 2006. – № 9. – S. 64–67.
5. Tavakkoli, S. N. The status of 'mother' in gestational surrogacy: the Shi'i jurisprudential perspective / S. N. Tavakkoli // *Asian Bioethics Rev.* – 2022. – Vol. 14, nr 4. – P. 337–348.
6. Olaye-Felix, B. Surrogacy and the law in the UK / B. Olaye-Felix, D. E. Allen, N. H. Metcalfe // *Postgraduate Med. J.* – 2023. – Vol. 99, nr 1170. – P. 358–362.
7. Attitudes of different religions toward surrogacy: analysis of 11 countries' situation using machine learning approach and artificial neural networks / M. Yildiz [et al.] // *J. of Religion a. Health.* – 2023. – Vol. 62, nr 5. – P. 3230–3251.
8. Struggles for reproductive justice in the era of anti-genderism and religious fundamentalism / ed.: R. Selberg, M. Kolankiewicz, D. Mulinari. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – 263 p.
9. Khmarskaya, M. Ye. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva / M. Ye. Khmarskaya // *Aktual'nye problemy chastnogo prava : vseros. nauch. internet-konf., 4–29 marta 2013 g.* – URL: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
10. Bogdanova, N. A. Kategoriya statusa v konstitutsionnom prave / N. A. Bogdanova // *Vestnik MGU. Seriya Pravo.* – 1998. – № 3. – S. 3–20.
11. Borisova, T. Ye. Otvetstvennost' po dogovoru surrogatnogo materinstva / T. Ye. Borisova // *Zakonnost'.* – 2010. – № 11. – S. 47–50.

12. Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 stat'i 17 grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanki M. V. Grigor'evoi : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 marta 2023 g. № 7-P // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tant Plyus». – M., 2026.
13. Erdelevskii, A. M. O kompensatsii za prichinenie stradanii / A. M. Erdelevskii // Khozyaistvo i pravo. – 2024. – № 2. – S. 3–16.
14. Shapiro, J. For a feminist considering surrogacy, is compensation really the key question? / J. Shapiro // Washington Law Rev. – 2014. – Vol. 89. – P. 1345–1373.
15. Fayemi, A. K. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective / A. K. Fayemi, A. E. Chimakonam // Theoretical Medicine a. Bioethics. – 2022. – Vol. 43, nr 2–3. – P. 75–93.
16. Panitch, V. Global surrogacy: exploitation to empowerment / V. Panitch // J. of Global Ethics. – 2013. – Vol. 9, nr 3. – P. 329–343.
17. Toffler, E. Shok budushchego / E. Toffler. – M. : AST, 2002. – 256 s.
18. Samarin, V. I. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Respublike Belarus' : po sostoyaniyu na 14.03.2011 g. / V. I. Samarin, A. A. Pukhov // Konsul'tantPlyus. Belarus' / OOO «YurSpektr», Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. – Mn., 2026.
19. Ruziev, R. Voprosy klassifikatsii smeshannogo dogovora / R. Ruziev // Vestnik Vysshogo Khozyaistvennogo Suda Respubliki Uzbekistan. – 2015. – № 4. – URL: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (data obrashcheniya: 16.01.2026).
20. Bogdanova, G. V. Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh i imushchestvennykh otnoshenii mezhdru roditelyami i det'mi : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk : 12.00.03 / Bogdanova Galina Vasil'evna ; Sarat. ekon. akad. – Saratov, 2009. – 34 s.
21. Mitsi (Mizzi) protiv Mal'ty (zhaloba № 26111/02) : Informatsiya o postanovlenii Yevropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 12.01.2006 // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tantPlyus». – M., 2026 (data obrashcheniya: 11.01.2026).
22. Shneider (SCHNEIDER) protiv Germanii (Zhaloba № 17080/07) : postanovlenie ESPCh ot 15.09.2011 // Konsul'tantPlyus. Rossiya / ZAO «Konsul'tantPlyus». – M., 2026 (data obrashcheniya: 11.01.2026).

*Рукапіс надійшов у редакцію 11.03.2026*